

А. Н. Ирецкий

**ПАТОЛОГИЧЕСКИЕ ВАРИАНТЫ
ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОЙ МОБИЛЬНОСТИ
В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ**

Социальные и экономические процессы в современной науке определяют будущее государств и регионов. Снижение продуктивности научного сообщества, замедленное освоение инноваций, деградация системы воспроизводства научных кадров в университетах и научных школах способны резко снизить конкурентоспособность и безопасность любого государства. Угрозы для благополучия науки порождают распространение псевдонауки, снижение общей научной культуры населения.

Эта проблема стоит не только перед российским научным сообществом. «Маргинальная» и «псевдонаука», в частности в вариантах «постмодернистской философии», завоевала какую-то часть публичного пространства. Распространению этого влияния некоторые авторы, например, Э. П. Кругляков, А. Сокали, Ж. Брикмон (36), довольно успешно противодействуют. Настоящая статья рассматривает генезис и распространение псевдонауки как социального явления, на примерах из истории институтов отечественной «психологии» и «психотерапии».

Ключевые слова: псевдонаука, наука, история институтов, психология, психотерапия, анализ.

В индивидуальном плане «наука есть лучший способ удовлетворения любопытства за государственный счёт» (Л. А. Арцимович). «Как социальное явление, современная наука вы-

ступает, прежде всего, как “механизм” для получения и распространения нового научного знания» (Инге-Вечтомов С. Г. 2010). Все строго научные теоретические модели дают описания и прогнозы, эффективные в ограниченном диапазоне условий. Противостоящие науке мифы имеют неограниченную сферу приложения: «Миф — очень простое объяснение всего» (Быков В., TV-интервью 2000 г.). Реальная эволюция любой современной научной дисциплины (исключая «чистую математику») и накопление нового знания возможны только при одновременном наличии пяти процессов:

1. Поиск неизвестных ранее эмпирических фактов, которые расходятся с предсказаниями принятых теоретических моделей.
2. Формирование новых теоретических моделей, непротиворечиво описывающих комплекс старых и новых эмпирических данных.
3. Поиск более экономных вариантов описания для сформулированных научных идей.
4. Уточнение границ, в которых эффективны принятые теоретические модели и интеллектуальные стратегии.
5. Освобождение от предрассудков, заблуждений и «балласта».

Научная школа, как особая социальная подсистема науки, сохраняет жизнеспособность при непрерывном самосовершенствовании (т. е. при постоянном освобождении от «балласта», от заблуждений и предрассудков). Без этого научная школа перерождается в заповедник тайного ремесла, в хранилище схоластических «сумм» и квази-религиозных истин. Некоторые «как бы психологические науки» (психоанализ, онто-психология, эниология, акмеология) исходно функционировали как рафинированные искусства, в которых неуместно применять всякие позитивистские критерии научной состоятельности (универсальность, логическая непротиворечивость, симметричность и транзитивность моделей, принцип фальсификации). Теоретическим оправданием «искусства» служат мифы и тавтологии, не опровержимые логическими доводами. Рас-

пространителями психологических и психотерапевтических мифов и «искусств» служат секты, предъявляемые в качестве «научных школ».

Если рассмотреть воздействие переходов научно-технических специалистов в иные сферы деятельности, то «транс-дисциплинарная миграция» специалиста из одной *научной* области в иные дисциплины всегда сопровождается переносом концепций и интеллектуальных стратегий и практик, накопленных одной областью научного знания, в иные сферы исследований. При этом можно производить ускоренное уточнение границ, в которых эффективны признанные стратегии и средства научного поиска, быстрее распространять более экономные варианты организации, анализа и описания эмпирических данных.

В XIX в. химик Пастер и физики братья Веберы обогатили медицину и физиологию, медики Генрих Гельмгольц и Роберт Майер внесли существенный вклад в формирование термодинамики. Математик Н. Винер, исследуя системы автоматического управления в технике, в общении с физиологами стал «отцом» синтетической науки — кибернетики. В российской науке XX в. профессиональные философы С. Л. Рубинштейн, А. С. Кармин и И. С. Кон, математик и логик В. А. Лефевр обогатили отечественную и мировую психологию.

В таком варианте «*транс-дисциплинарной миграции*», когда высокие профессионалы распространяют свои исследования на иные сферы, происходит взаимное обогащение научных дисциплин, и в традиционных науках формируются новые области и направления научного исследования (кибернетика, биофизика, бионика, биомедицинская электроника и информатика, синергетика). Такие варианты переходов специалистов из одной научной или технической сферы в иную, не всегда оформляемые административными актами, и со значительным опозданием фиксируемые традиционной статистикой, мы будем обозначать термином «*оптимальная транс-дисциплинарная миграция специалистов*».

В России конца 80-х и начала 90-х гг. происходило падение промышленного производства и сокращение запросов на инженерные, технологические и научные инновации, снижалось реальное финансирование НИР в прикладной и фундаментальной науке, что вызвало массовую миграцию дипломированных специалистов в радикально отличные сферы деятельности (политика, торговля, мелкий производственный бизнес, бытовой сервис). Нужно учесть не только предшествующий низкий уровень оплаты их труда, при прогрессирующем технологическом отставании хозяйства, низкой скорости освоения собственных инноваций и низкой инновационной активности специалистов (менее одного изобретения в год на одного дипломированного инженера), со снижением рейтингов отечественных публикаций по многим дисциплинам (с небольшим числом исключений), то положение значительной доли научных и инженерных работников в конце 80-х годов справедливым будет назвать *скрытой безработицей*. Переход именно этой части малопродуктивных работников из положения «скрытых от статистики безработных» в сектор реального производства товаров и услуг, даже если он сопровождался формальным снижением профессионального и социального статуса, будем называть *нейтральной профессиональной миграцией научно-технических работников*.

В немногих случаях исключительно талантливый человек полностью оставляет научную или техническую профессию, и его таланты реализуются, к примеру, в искусстве. Медика Франсуа Рабле и полкового врача Фридриха Шиллера большинство наших современников знает только как литераторов. Александр Розенбаум, недолго поработав врачом скорой помощи и сезонным рабочим в геологической партии, стал эстрадным автором-исполнителем, а затем и депутатом-законодателем + «почётным доктором медицины» + бизнесменом. Этот вариант, как исключительно редкий, можно оставить вне рассмотрения.

«Наука есть интернациональная часть национальной культуры» (Инге-Вечтомов С. Г. 2000). Поэтому часть научных

и инженерных работников с высоким профессиональным потенциалом с конца 80-х гг. эмигрировала, и некоторая их доля весьма успешно функционирует в основной или смежной профессиональной области («физическая утечка мозгов»). С середины 90-х гг. увеличивается число наших инженерных и научных специалистов, служащих зарубежным компаниям и организациям в режиме «аутсорсинга», физически пребывая в России или в государствах СНГ, в Чехии, Индии и пр. Множество проблем и возможных негативных и позитивных следствий, порождаемых маятниковой и постоянной «утечкой мозгов», также оставлены вне настоящего рассмотрения.

Основное внимание в настоящей публикации уделим *патологическому варианту транс-дисциплинарной мобильности инженерных и научных работников*, когда переход специалистов (вооружённых интеллектуальным багажом, навыками и стратегиями) из одной научной области в другую, сопряжён с ущербом для дисциплины-«рецептора». Наше исследование, не претендующее на полное объяснение процессов, включает описание истории (*anamnesis morbi*), констатацию настоящего положения (*status praesens*) и уточнение предполагаемых механизмов, вовлечённых в формирование «патологии» (*pathogenesis*).

В силу собственных профессиональных предпочтений и особенностей профессиональной подготовки, в качестве «пострадавшей» дисциплины автор выбрал психологию и психотерапию. Во-первых, медицина и биология — сфера основных профессиональных занятий. Во-вторых, среди биомедицинских дисциплин именно психология и психотерапия в большой степени и дольше и в наибольшей степени были инфильтрованы профессионалами материалистической диалектики. В третьих, в России именно психология, психотерапия и медицина в конце XX в. стали жертвой патологического варианта профессиональной мобильности, когда массы претенциозных дилетантов с инженерным, идеологическим и т. п. образованием взялись теоретизировать, публиковать и практиковать.

Дипломированный марксист (впоследствии «марксист, менявший все знаки и оценки на противоположные») А. Ло-

бок реформирует антропологию и педагогику (16, 33, 34). Гидрометеоролог В. В. Костецкий («в греческой философии густую себя как дома» (11)) щедро рассеивает собственные идеи о психологии, оздоровлении, воспитании, творчестве и культуре. В частности, В. В. Костецкий установил каузальную и генетическую связи между экстатическими танцами и зарождением культур, и убеждал студентов-медиков, что изучение христианской теологии (по его словам, точной науки), обеспечит высокую творческую продуктивность у молодых инженеров и прочих научных исследователей.

Этот патологический вариант транс-дисциплинарной мобильности мы рассмотрим на примерах, когда дисциплиной-акцептором выступает психология и психотерапия (как раздел медицины).

* * *

Исследования «научной парадигмы» и «дискурса», принятых в нашем отечестве за «норму» для общей и прикладной психологии, в частности психотерапии, получают (даже без прямых наших намерений) отчётливую «клиническую» направленность: «Дискурс — исторически, социально и в недрах особой культуры возникшая специфическая структура убеждений, терминов, категорий и установок, которые влияют на отношения и (внутренние) тексты и звучат в историях пациентов» (13: 136). Этот фрагмент автор монографии выделил в тексте типографской рамкой и особым шрифтом. Если это определение, то студентам надлежит его «учить наизусть и повторять нараспев»? Если это обобщение эмпирических наблюдений, то мир науки, где люди рассуждают в согласии с «убеждениями», пользуясь «категориями» и «терминами», С. А. Кулаковым представлен большой клиникой, до краёв заполненной «пациентами»... Тогда было бы уместным уточнение — это плод интроспекции, или же итог длительных наблюдений над коллегами?

Мы двинемся именно в указанном направлении и будем исследовать «недра особой культуры», в которой «исторически»

сформирована и сохраняется «специфическая структура убеждений». Типичный пример представлен сегодня в недавно опубликованных дневниках академика Эльконина: «Уверенность в правильности сделанного должна возникать не из проверки результата (продукта), а в ходе его выполнения. “Я делаю верно — значит, я прав”» (38, 1961). Это высказывание мы не считаем неким болезненным теоретическим обоснованием индивидуальной паранойальной системы. Скорее перед нами пример невротической рационализации, когда пациент уже ощущает и сознаёт у себя дефицит религиозного или квази-религиозного фанатизма, но не имеет ресурсов для полного вытеснения проблемы (невротического конфликта) из сознания.

* * *

Итак, приступаем к анализу преморбидного состояния науки и «недр особой культуры».

Ещё до 1917 г. в Российской империи совершены множественные попытки «в недрах особой культуры» вырастить «пролетарскую науку», свободную от многочисленных грехов и пороков науки «буржуазной». К порокам существовавшей до того науки относили «аристократизм» и «элитаризм» (говоря прямо — малодоступность для полуобразованных), «оторванность от жизненной практики», «реакционность» и прочее.

После революций 1917 года некоторые ранние большевики, всерьёз принявшие фразы о кухарках, которых нужно учить управлять государством, пытались кухарок, а также шорников, молотобойцев, приказчиков, кавалеристов и прочих привлечь ещё и к освоению и деланию «пролетарской философии», «пролетарского естествознания» и других «наук».

Вскоре выяснилось, что «пролетарские варианты» математики, химии и электродинамики неконкурентоспособны в сопоставлении со старыми («буржуазными») вариантами. Новая власть временно и частично смирялась с «элитаризмом» учёного сословия и с присутствием «буржуазных спецов» в технике, математике, физике и химии — от них непосредственно зависели обороноспособность и быстрое восстановление про-

мышленности (12: 57–59). Борьба с «буржуазией» и «вредителями» в науках усилиями некоторых деятелей то разгоралась сильнее, то затухала (4, 8, 9). Тотальную диктатуру «пролетарской идеологии» установили в философии, социологии, психологии, частичную — в биологии и медицине.

Первое поколение «номенклатуры» обеспечивало режим особого благоприятствования фрейдизму, педологии, «рефлексологии» (12, 29, 39). Временный публичный и административный успех в РСФСР этих направлений опирался на обещания адептов создать неотразимые приёмы прямого манипулирования психикой, в том числе «массовой», а также и на применение весьма упрощённых схем для универсального объяснения природы любых психических процессов. Затем психоанализ и педология подверглись поношению, но преимущественно по идеологическим и политическим основаниям, собственно общенаучные аргументы остались на втором плане. На доминирующую позицию с 30-х годов в СССР выдвинута слегка декорированная «павловской теорией» так называемая «материалистическая психология», выросшая «в недрах особых» субкультур (люмпен-пролетарской и люмпен-интеллигентской). Эти маргинальные субкультуры тесно сопрягаются и объединяют лиц с высокой социальной и транс-дисциплинарной мобильностью.

В 1948 г. «Объединенная («павловская») сессия АН и АМН СССР» нанесла окончательный и невосполнимый ущерб развитию научной нейрофизиологии и психологии. Психология как университетская дисциплина более десятилетия скрывалась под конспиративными кличками «педагогические науки» и «нейрофизиология высшей нервной деятельности». Общие критерии состоятельности, такие как логическая непротиворечивость теоретической модели, соответствие частных моделей фундаментальным принципам, описание граничных условий, в которых теоретическая схема справедлива, почти полностью потеряли вес в «дискуссиях», которые заканчивались покаянными заявлениями очередной партии «отступников». Напротив, непомерное значение получили цитаты «классиков», при-

знанные неопровержимыми на данный исторический момент. За послевоенные годы в физиологии высшей нервной деятельности почти полностью были уничтожены навыки содержательной рационалистической критики (12: 57–62).

К примеру, с 1937 до 1987 г., и даже позже, без критического осмысления в пособиях и лекциях всего СССР воспроизводили «условно-рефлекторную теорию словесного внушения» К. М. Платонова с описанием экспериментального её «подтверждения».

В кратком изложении, «теория» сводится к утверждению, что у человека системы соматической регуляции в ответ на слово («условно-рефлекторный раздражитель») и раздражитель безусловного рефлекса реагируют одинаково. Словесное внушение «Лимон, лимон» вызывает отделение слюны, как предъявление лимона реального.

В качестве подтверждения К. М. Платонов приводил результаты экспериментов, когда голодным испытуемым, приведённым в гипнотический транс, внушали, что они получают сладкую пищу, и было зарегистрировано повышение концентрации глюкозы в крови большинства испытуемых (28, 1959).

Если строго применять теоретическую схему, то в эксперименте следовало ждать прямо противоположного — снижения концентрации глюкозы.

Повышение концентрации глюкозы после еды происходит, за счёт поступления углеводов извне, а системы соматической регуляции действуют при этом в направлении снижения. Интеллектуально состоятельный человек придёт к дилемме: либо теория существенно неполна, либо придётся допускать возможность материализации идей в ходе гипнотического внушения со словесной формулой «Халва! Халва!» (т. е., «озвученные идеи становятся халвой, когда они овладевают массами»).

Отметим, что заслуживают глубочайшего уважения те редкие исключения, когда в рукотворной обстановке подавления критической мысли наши исследователи и теоретики создавали продуктивные работы с мировой новизной, формирующие новые направления науки (18, 1950; 15, 1973).

* * *

В научном сообществе психологов селекция по *политическим и этическим* критериям, проведенная многократно, привела к снижению этических и интеллектуальных критериев. Возможности излагать идеи и концепции, высказанные лицами, которых уже объявили отступниками, сохранялись; можно было делать это без указания на автора, либо даже приписывать эти идеи кому-то другому, в том числе себе.

Отступления от традиционной научной этики сохраняется в отечественной психологии до последнего времени. К примеру, в списках литературы некоторых диссертаций и монографий отсутствуют реферативные обзоры и книги А. Н. Лука (17, 1983), но включены в списки прореферированные им довольно редкие и маргинальные работы. В университетском учебнике 2004 г. (37, 2004) приведён, со ссылкой на В. Н. Дружинина, странный список «характерных признаков творческой личности»: *«независимость от мнения окружающих, открытость ума (восприимчивость к новому)... высокая толерантность к неопределённым и неразрешимым ситуациям (конструктивная активность в этих ситуациях)... стремление к красоте... уверенность в своих силах и сила характера... смешанные черты женственности и мужественности»*. В этой сумме «признаков» привлекают внимание некоторая парадоксальность, нелогичность и неловкость употребления слов:

1. Отсутствует главный признак творческой личности (способность ставить нетривиальные задачи и давать нетривиальные решения для давно сформулированных проблем, считающихся решёнными).
2. «Толерантность к неопределённым и неразрешимым ситуациям» (терпимость в переводе на русский язык) уподоблена «конструктивной активности».
3. Не раскрыты «смешанные черты мужественности и женственности» (вероятно, это был устаревший перевод на русский язык названия шкалы «маскулинность-феминность» в многопрофильном миннесотском личностном опроснике ММРІ).

При катamnестическом исследовании обнаружилось, что в теоретический оборот этот список вошёл через реферативный сборник ИНИОН (Проблемы научного творчества. Вып. 1. М.: ИНИОН, 1980), из обзора, который выполнил А. Н. Лук. Ирония автора обзора в адрес текста оказалась недоступной для всех тех, кто позднее дословно и без критики воспроизводил этот фрагмент. Сначала выпало имя автора обзора, а затем, в процессе многократного последовательного копирования, потерялось имя не читанного в оригинале Олаха с соавторами. Как итог, А. Толочек объявила автором В. Н. Дружинина.

Сходную историю обнаружим при сравнении рецензий на книгу А. Лобка «Антропология мифа» (25), подписанными именами О. Лебёдушкиной (14) и В. Е. Кагана (22): фраза «философия — вся <...> есть трудное проговаривание первоначальных интуиций» приписана в первой рецензии Анри Бергсону, во втором случае — самому Лобку.

В «нормальных текстах» и «дискурсе» отечественных психологов среднего и нижнего классов обязательными до конца 80-х годов были ритуальные поношения в адрес «буржуазных» психологов и отечественных отщепенцев, «антипавловцев» и «павловцев непоследовательных». В последующем смену идеологических «установок», состоящих из механически воспроизводимых цитат, «принципов» и ссылок на неопровержимые (в данный исторический момент) авторитеты, психологи и теоретики психотерапии производили с необычайной лёгкостью.

* * *

С середины 50-х гг. в математике, естественных и технических научных дисциплинах влияние диалектиков-материалистов устремилась к нулю. Профессор Амосов из Ленинградского Политехнического института с 1956 г. на лекциях по математике иллюстрировал логическую конвенциональную природу математического знания на примере эквивалентности высказываний «Коммунизм есть советская власть плюс электрификация» и «Советская власть есть коммунизм минус электри-

фикация». В 60-е гг. «специфическая структура убеждений, терминов, категорий и установок» (диалектиков-материалистов), как бы «дискурс», окончательно оставлен без употребления в технических дисциплинах и в фундаментальной науке. Но неизменным осталось положение в общественной, экономической и гуманитарной сферах, в некоторых разделах нейрофизиологии и в психологии. Злоупотребление абстрактными терминами (вместо более уместных конкретных понятий), использование вместо слова «некий» термина «определённый», натужное глубокомыслие при неспособности определить границы старых и новых «истин». У «типичных философов и психологов среднего ранга» (до настоящего времени) все базовые знания, интеллектуальные претензии, *doctrina et modus operandi* близки, часто до неразличимости, а «парадигмальные установки» — идентичны.

«Метод <...> представляет собой реализацию определённого (кем или чем “определённого”? — А. И.) познавательного отношения к изучаемой действительности (авторы допускают “познавательное отношение” к “неизучаемой действительности”? — А. И.), направляющего организацию исследования и предполагающего использование соответствующих (чему? — А. И.) приёмов и процедур исследования... Фундаментальная особенность, которая отличает философское знание от всех других видов знания, состоит в том, что “философия специфически теоретическими средствами выполняет мировоззренческую функцию” (Юдин, 1978) <...> Философия вскрывает наиболее общие законы развития природы и общества» (23: 11–15).

* * *

Э. Кольман, известный в 30-е и 40-е гг. доносами на математиков-идеалистов (8, 9), в конце 50-х гг. претерпел «инверсию» — стал агитировать в пользу «бионики» и «кибернетики» (3, предисловие). Вслед за ним в 60-е и 70-е гг. сочинения, имеющие отношение к физиологии, психологии и экономике, теоретики-методисты фаршировали словами «информация», «обратная связь», «саморегуляция». *«Важнейшая особенность*

нашего мира состоит в неравномерности распределения в пространстве и времени вещества, энергии и информации (разнообразия) <...> Объективными формами существования (систем) являются пространство и время, а объективными условиями их движения — энергия и разнообразие (информация). Поэтому пространственные, временные, энергетические и информационные характеристики в качестве оснований для первичной классификации систем и их описаний <...> разделим на статические и динамические, <...> на сосредоточенные и распределённые, <...> на активные и пассивные, <...> на дискретные и непрерывные» (3: 3—9). Если вникать в смысл написанного, обнаружим, что психолог-методист в понимании «движения», «формы», «энергии» и «информации» остался в парадигме перипатетической физики. Ни слова о том, что «информация» не подчиняется законам сохранения.

Слова «идейная закалка» во 2-й половине XX в. всё чаще заменяли «духовностью». Процесс «одушевления» отечественной психологии завершился в «Перестройку» 80-х, когда Власть отменила общеобязательный «материализм», и на свет явились толпы экстрасенсов, астрологов и спиритуалистов. С конца 90-х гг. Энгельса и Плеханова потеснили Фрейд в смеси с Юнгом и Иоанном Кронштадтским.

Типичный носитель марксистско-ленинских «тривиума» и «квадривиума» (который раз?) перестроился: «Едва слышит он, бывало, шум совершающегося преобразования или треск от ломки совершенствования, как он уже тут и кричит: вперед!! Когда несли знамя, то Тарелкин всегда шел перед знаменем; когда объявили прогресс, то он стал и пошел перед прогрессом — так, что уже Тарелкин был впереди, а прогресс сзади! Когда пошла эмансипация женщин, то Тарелкин плакал, что он не женщина, дабы снять кринолину перед публикой и показать ей <...> как надо эмансипироваться. Когда объявлено было, что существует гуманность, то Тарелкин сразу так проникнулся ею, что перестал есть цыплят, как слабейших» (35).

А. Осницкий, выпускник исторического факультета ЛГУ им. А. А. Жданова, обращённый в «психотерапевты», объявил

«духовность» «объективной реальностью» (26). Аналогичные палимпсесты из «Материализма и эмпириокритицизма» плюс рассуждения в том же стиле и с теми же претензиями встретим у множества других маргинальных авторов: *«Речь человека является одним из средств выделения энергии, причем в каждом конкретном случае — энергии определенного качества <...> Сознание человека, связанное с душой и представляющее собой исходящий поток духовной энергии, не только регулирует использование кинетическо-звукового языка, но и оказывается способным воспринимать то, что находится вне границ земного мира, посредством специфического мысленно-энергетического языка...»* (30, 2010: 11). Стилистическая дистанция между философами и маргинальными психологами невелика: *«Креативность — это способность породить множество разнообразных оригинальных идей в нерегламентированных условиях деятельности <...> скорость порождения новых идей в единицу времени»* (30: 192).

Отсюда следует: у инженера, автора принципиально новой системы пеленгации (в «регламентированных условиях деятельности» на режимном военном предприятии) имеется низкий уровень креативности. Согласно этому определению, Дарвин, Менделеев, Пуанкаре и Эйнштейн отличаются от авторов цитированного университетского учебника именно низким уровнем «креативности»... Современный человек, получивший такое определение, сразу поставит вопрос о физической размерности «скорости идей в единицу времени». Авторы учебника опровергали Иммануила Канта... С трудом можно догадаться, что «хорошо» ученый автор под «скоростью идей» подразумевала, возможно, скалярные оценки «креативности» в тесте Торренса или Туник.

Марвин Мински в 1967 г. заметил: некоторым базисным понятиям, интуитивно понятным, таким как «мышление», «жизнь» и пр., трудно, а может и невозможно, дать позитивное корректное определение. *«Если рассмотреть некоторые определения, которые дают понятию “жизнь” некоторые <...> авторы учебников по биологии, то, с одной стороны, придется*

исключить из числа “живых” мулов, и наоборот — включить в число живых объектов, например, сосиски» (19, 1970). «Творчество» логически корректно может быть определено только «апофатически», через отрицание реально существующего или известного. Именно это простое соображение будет недоступным для тех, кто претендует на «полное понимание» и рассчитывает на «управление процессами творчества», то есть — на императивное манипулирование чужой психикой.

Второй пример — из того же «учебника XXI века»: «Психический образ “красный цвет” есть активное воспроизведение в структуре нервных потенциалов длины (т. е. структурной характеристики) волны электромагнитного излучения, равной 700 нм» (30: 176). Школьники 10 класса знают: длина волны электромагнитного излучения есть скалярная (одномерная) характеристика волны, никак не «структурная» («структурные» модели объектов и процессов, как минимум, двумерны). Получается, студенты вынуждены засорять память словами, которые никаким образом невозможно согласовать с их знаниями из других дисциплин. Познавательная ценность фразы о «структурной характеристике световой волны», приблизительно равна ценности утверждения «идеи становятся материальной силой, когда овладевают массами». Тексты такого качества вырабатывают у посредственных студентов комбинацию из высокой толерантности к абсурду с низкой резистентностью к нему. «Противоречие — ядро диалектики».

Инфильтрация психологии и медицины дилетантами снизила «средний» уровень публикаций и учебников настолько, что психологи и медики с базовым врачебным образованием могут без риска насмешек обнаруживать на публике крайнюю степень невежества — в физике, биологии, медицине (подобно записным философам-марксистам 40-х гг. и их прямым наследникам-постмодернистам из 2000-х гг.): «Цветощущение геловека происходит следующим образом. Свет, проникая в глаз, проходит сквозь кристаллическую линзу — хрусталик и попадает на сетчатку» (1: 16). «Психотерапевт» забыл, что хруста-

лик состоит из коллоидов, и не знает о таких оптически прозрачных частях глаза, как роговица и стекловидное тело?

Для странностей этой брошюры первым простейшим объяснением из возможных будет следующее: издан не отредактированный компьютерный перевод американского текста, принадлежащего к нижнему разряду «поп-психологии». В подтверждение предположению цитата: *«Неопытные загоральщики вылезают на солнце в самое опасное время – в полдень – и моментально обгорают, так как именно в это время коллегство сжигающих кожу и биологически вредных инфракрасных лучей максимально»* (1: 14). «Неопытные загоральщики» – явное свидетельство, что автор русским языком овладел «с особым цинизмом и в особо извращённой форме». Добавить нечего, кроме давнего социологического вывода физика Александра Шабада: **«БЫСТРЕЕ СВЕТА РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ ТОЛЬКО ТЬМА»**.

К счастью, лучшая часть современных студентов освоила начала современной научной культуры полнее, чем их преподаватели, носители идеологии диамата. Эта часть выработала и натренировала навык рациональной и логически корректной критики того, что их принуждают слушать на лекциях, читать в университетских учебниках и воспроизводить на экзаменах.

Приведём случайно услышанный диалог двух студенток в РГПУ имени А. И. Герцена. Первая студентка просит дать почитать конспект пропущенной лекции по психологии, другая отвечает: «Не парься. Здоровому человеку это невозможно понять и запомнить. Там все слова кончаются на “изм”, “ость” и “ение»». Похоже, студентки уже были знакомы с книгой Виктора Клемперера «Язык третьей империи».

Р. С. Станислав-Ежи Лец: *В каждом веке своё средневековье.*

Источники

Бреслав Г. Цветопсихология и цветолечение для всех. СПб.: «В&К», 2000.

Винер Н. Кибернетика и общество. М., 1957.

- Ганзен В. Системный подход в психологии. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988.
- Домиль В. Мрак Борисович (<http://berkovich-zametki.com/2/>).
- Дружинин В. Н. Структура и логика психологического исследования. М., 1993.
- Каган В. Е. Рецензия // Психологическая газета. 1998. № 7.
- Кант И. Об аристократическом тоне в современной философии // Ступени. 1991. № 2. С. 161–180.
- Кольман Э. Вредительство в науке // Большевик. 1931. № 9–10. С. 16.
- Кольман Э. Ход задом философии Эйнштейна // Научное слово. 1931. № 1.
- Корнилова В., Смирнов С. Д. Методологические основы психологии. М., 2007.
- Костецкий В. В. // Топос (topos.ru/article/laboratoria/slova).
- Кудрявцева Е., Ирецкий А. «Нефальсифицируемый рационализм» как религиозная система // Триумф классической рациональности. СПб., 2013.
- Кулаков С. А. Основы психосоматики. СПб., 2007.
- Лебедушкина О. Рецензия // Волга. 1999. № 1.
- Лефевр В. А. Конфликтующие структуры. М.: Сов. радио, 1976.
- Лобок А. Антропология мифа. Философский андеграунд Урала (mexalib.com/view/141538).
- Лук А. Н. // Общественные науки за рубежом. М.: ИНИОН, 1983.
- Лурия А. Р. Очерки психофизиологии письма. М.: АПН, 1950.
- Мински М. Мышление и автоматы. М.: Прогресс, 1970.
- Митин М. Б. Боевые вопросы материалистической диалектики, М., 1936.
- Назляян Г. М. Развитие проблем психологии научного творчества в России (1860–1917): Автореф. дисс. М., 2001.
- Каган В. Е. Рецензия // Психология. 1997. № 5.
- Корнилова Т. В., Смирнов С. Д. Методологические основы психологии. М.; СПб., 2007.
- Осницкий А. Проблемы психического здоровья. СПб., 2004.
- Патент RU № 232 51 95.
- Платонов К. М. Слово как физиологический и лечебный фактор. 2-е изд. М., 1959.
- Ратманов А. Фельдшер, мистик или врач // Санкт-Петербургский университет. 2007. № 5.
- Реан А., Бордовская Н., Розум С. Психология и педагогика. СПб., 2002.

- Рогалев А.* Мир, человек, язык (опыт философии языка). Гомель, 2010.
- Секацкий А.* Метафармакология // Час Пик. 1999. № 18.
- Сергеева О.* Александр Лобок и конец советской философии // Урал. 1999. № 1.
- Сергеева О.* «Текст пошёл, как рыба на нерест...» // Урал. 1999. № 8.
- Сокал А., Брикмон Ж.* Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна. М., 2002.
- Сухово-Кобылин А. В.* Смерть Тарелкина. М., 2011.
- Тологек В. А.* Современная психология труда. М.: «Питер», 2005.
- Эльконин Д. Б.* Выдержки из научных дневников. 1961 г. // Вопросы психологии. 2004. № 1. С. 36–89.
- Эткинд А.* Эрос невозможного. История психоанализа в России. СПб., 1994.